

Цзи Ян молча стоял у озера, и в этой тишине чувствовалась подлинная властность принца. Нун Юэ стояла рядом, тоже не проронив ни слова. Фанфэй, сама расцветшая и давшая плоды, устроила на дереве качели и сидела на них вместе с Яо Юэ, раскачиваясь, ела персики и, поглядывая на Цзи Яна, между делом его ругала. Говорили, что скоро отправятся в императорский дворец разузнать про историю с убийством брата, ещё — проверят, есть ли у этого девятого принца жёны и наложницы. Их разговор заходил всё дальше, они съели невесть сколько персиков, косточки падали на землю и прорастали новыми деревьями.

Цзи Ян размышлял о том, как маленький дух истекал кровью. Нун Юэ не стала ему ничего объяснять, и он додумывал сам. Он знал, насколько тот могущественен — не должно было быть ни этой крови, ни этих страданий. Страдал он не от раны и не от потери крови. Так от чего же? Неужто в его прошлом таилось что-то невыразимое? Говорят, духи помнят ярче всего тот миг, когда умерли.

Цзи Ян размышлял, взгляд его был спокоен. Прождав часа два-три, он увидел, как на зеркальной глади озера изнутри пошли круги. Непроизвольно он шагнул вперёд, ближе к воде. Карпы, сбившиеся в стайку, разошлись. На дне Цзин дрогнул ресницами и медленно открыл глаза.

Только тогда сердце Цзи Яна наконец успокоилось.

Цзин открыл глаза, чувствуя себя прекрасно, но в голове что-то щёлкнуло, и он тут же сел на дне. Сидя в воде и глядя на карпов, которые словно старались ему угодить, он опешил.

Как он оказался в своём озере? Э-э? Разве он не собирался спасти того обманщика? Он помотал головой, пытаясь вспомнить, и наконец вспомнил! В испуге он закричал: «Нун Юэ!», «Яо Юэ!» — и начал всплывать, торопливо бормоча: «Стрелы! Там стрелы! Три стрелы должны пронзить того обманщика! Я должен спасти—» Его панический голос резко оборвался.

Обманщик стоял на берегу его озера!

Цзин любил лежать на траве у кромки воды, и почти на автомате его руки потянулись к берегу. Увидев, что обманщик тут как тут, он застыл в нерешительности, руки так и остались вытянутыми вперёд.

Маленький дух забыл всё, что было несколько часов назад, проснулся таким же милым и по-прежнему переживал, что его надо спасать. В глазах Цзи Яна мелькнула улыбка.

Он бы хотел, чтобы этот дух навсегда забыл всё грустное и болезненное.

Цзи Ян присел на корточки у самой воды, оказавшись с Цзином на одном уровне, и сказал с улыбкой:

— Это ты спас меня.

— Я... я... — Цзин растерялся от его улыбки и не мог вымолвить ни слова.

Личико его было совершенно смурным. Разве бывают на свете такие милые духи? Цзин был уже совсем близко к берегу, вытянутая рука — ещё ближе. Цзи Ян протянул свою и без труда ухватил его ладонь. Улыбаясь, он потянул Цзина к берегу.

Цзин был ослеплён его улыбкой, в голове стало ещё больше путаницы, и он позволил Цзи Яну вытащить себя.

Цзи Ян тихо рассмеялся. Цзин смущённо опустил голову и, опустив, увидел в воде своё отражение. Фу, как же он собой недоволен! С досады он шлёпнул по воде свободной рукой, разбив своё лицо на круги. Брызги окатили его, и в голове наконец прояснилось.

Ах! Этот обманщик обманул его, заставил так страдать!

Да как он посмел взять его за руку?!

Цзин разозлился ещё сильнее, резко дёрнул руку и спросил у Нун Юэ:

— Кто его впустил?!

— Господин... — замялась Нун Юэ.

Яо Юэ, всегда говорившая невпопад, увидев, что он очнулся, радостно подбежала и протянула руку:

— Господин, господин, персик!

Цзин искоса взглянул. Персик и впрямь был огромный, красный, ароматный, выглядел невероятно вкусным.

Яо Юэ подала его ему:

— Мы с Фанфэй уже наелись, господин, попробуйте!

Цзин взял персик и откусил. Действительно, сладкий. Откусил ещё.

Фанфэй тоже с улыбкой подплыла и с гордостью сказала:

— Вкусно, господин? Ещё много! Хотите ещё?

— Хочу, хочу! — Цзин, продолжая грызть персик, закивал.

Цзи Ян снова рассмеялся. Цзин, кивая, вдруг спрятал персик за спину, в воду, и надул губы. Немного стыдно.

Цзи Ян поспешил сказать:

— Я ничего не видел. Ешь, ешь.

Видел же!

— Я не хочу его видеть! — Цзин пришёл в ярость.

Нун Юэ и прочие переглянулись. Цзин снова шлёпнул по воде:

— Выгоните его и больше не впускайте! Я больше не хочу на него смотреть!

Нун Юэ заколебалась, но Цзи Ян сам поднялся:

— Я уйду, уйду, только не злись.

Такая уступчивость удивила не только Нун Юэ, но и самого Цзина.

И... всё? Просто уйдёт?

Цзи Ян развернулся и ушёл, будто не испытывая ни малейшей привязанности. Цзин, прижимая к груди персик, смотрел ему вслед — и сердитый, и жалкий одновременно.

Люди и вправду все обманщики! Он же его спас, а тот даже спасибо не сказал, вот так просто и ушёл!

Нун Юэ, глядя на него, вздохнула про себя. Их господин ровным счётом ничего не смыслил, даже она всё поняла. Она ждала указаний, но Цзин не издавал ни звука, просто плавал на поверхности, обняв надкушенный персик и надув губы, — вид был до того жалкий и милый, что хоть сейчас в слезу. Когда Цзи Ян уже по-настоящему собрался уходить и привратница стала открывать ворота, Нун Юэ обернулась и бросилась за ним — спросить, что же он, собственно, задумал.

Она подроспела к воротам как раз в тот миг, когда Цзи Ян переступал порог.

— Подождите! — немедля окликнула она.

Цзи Ян обернулся. На лице его играла уверенная улыбка, будто он знал, что она придёт. Нун Юэ была чуть понятливее прочей дворцовой нежити, но до его хитроумности ей, пожалуй, и за десять тысяч лет не дорасти. Она не понимала, что он задумал.

Цзи Ян же достал из рукава кинжал и, к изумлению Нун Юэ, резко вонзил его себе в живот.

Нун Юэ глаза вытаращила. Удар был глубочайшим, кровь даже брызнула вокруг, и в воздухе мгновенно запахло железом. Цзи Ян невольно скривился от боли, вытащил клинок, пошатнулся, но устоял, выпрямившись во весь рост. Губы его постепенно посинели. Он взглянул на Нун Юэ и ровно сказал:

— Скажи ему, если не выйдет меня спасти — я и вправду умру.

С этими словами он шагнул за ворота, не оглядываясь.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Нун Юэ пришла в себя. Она прижала руку к груди.

Какой жестокий человек!

Она развернулась и помчалась обратно к озеру.

Юнь Жун в тревоге прождала больше трёх часов. Чиновники из Ичжоу уже прибыли, а их принц всё не возвращался. Сердце её сжималось от страха и нетерпения. Она приподняла край занавески и бесшумно выглянула наружу. Чиновники из Ичжоу стояли на коленях целой толпой. В душе она ненавидела этих чинуш за то, что те раньше и в грош не ставили их принца, и сердито хмыкнула.

Только она хмыкнула, как за спиной раздался лёгкий шорох, и воздух наполнился густым запахом крови.

Сердце её ёкнуло. Она обернулась — на ложе лежал человек.

В испуге она бросилась к нему, тихо позвав:

— Ваше высочество!

Она не понимала:

— Эта рана... рана? Я позову лекаря...

Цзи Ян с трудом покачал головой, откинулся на подушки и слабо задышал. Тот удар был нанесён со всей силы — и чтобы на себе ощутить боль, которую испытывал маленький дух, и чтобы поставить на кон всё.

Сможет ли в, казалось бы, бессердечной груди того души найтись место для одного-единственного Цзи Яна?

Всё же он был лишь человеком. Потеряв столько крови, он неминуемо ослаб. Он молчал.

Да, он был лишь человеком. В мире духов он не властен был ни над своей судьбой, ни над судьбой маленького духа.

Он хотел разделить с тем будущее.

Оставалось лишь заманить маленького духа в мир людей. Здесь он станет императором и даст ему всё самое лучшее.

Вот только захочет ли тот прийти?

Он усмехнулся, и на языке вдруг ощутился сладковатый привкус крови — сладость добровольной жертвы, сладость, которую он принимал с радостью.

Слёзы катились по щекам Юнь Жун. Она металась, не зная, что сказать, бормотала что-то бессвязное, а потом добавила:

— Чиновники из Ичжоу прибыли, все стоят на коленях у повозки.

— Да? — Цзи Ян снова улыбнулся. Неужто все явились?

— Лю Сюнь ещё не ушёл, — прошептала она. — Мне тайком сообщил Сань Ань.

Как раз кстати это тяжёлое ранение — пусть все посмотрят, и Лю Сюнь отправится доложить его отцу. Цзи Ян с трудом выговорил:

— Распахни дверь. Пусть все полюбуются.

— Ваше высочество... — заколебалась Юнь Жун.

— Иди.

Юнь Жун, собрав волю в кулак, шагнула к двери и распахнула её. Чэнь У мгновенно обернулся и увидел её лицо, залитое слезами. Юнь Жун вытерла слёзы, лицо её стало твёрдым, и, действуя в унисон с принцем, она холодно провозгласила:

— Его высочество только что очнулся. Узнав, что все чиновники стоят на коленях в ночной прохладе, сжалился над ними и повелел им подойти к повозке.